

Нелюдь

Автор:

[Александр Варго](#)

Нелюдь

Александр Варго

MYST. Черная книга 18+

Кошмарное событие, пережитое Валентином в детстве, сломало его психику: стая бродячих собак растерзала и сожрала его братишку. Наверное, теперь можно понять лютую ненависть Валентина к собакам. Да и ко всем животным вообще. К птицам, например. Ведь это так забавно – ловить птиц в лесу, а затем наслаждаться их истязанием. Чем и занялся Валентин вместе со своим любовником Максом в один прекрасный день. Ставя силки, приятели наткнулись на странный скворечник, которого прежде никогда не было в этом месте. Птичий домик показался Максиму обитаемым, и он засунул руку внутрь. Когда выдернул ее обратно, ладонь была окрашена кровью. Сначала они думали, что это всего лишь заноза...

Александр Варго

Нелюдь

Сборник

© Варго А., 2018

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2018

Александр Варго

Нелюдь

«Между веток новый дом,
нету двери в доме том,
только круглое окошко,
не пролезет даже кошка».

(Скворечник)

«Чем больше я узнаю людей, тем больше мне нравятся собаки».

Когда душное июльское солнце устало коснулось своим малиновым боком верхушек елей, на пустырь, сухо хрустя гравием, въехал автомобиль. «БМВ Х4» сверкал звенящей чистотой, словно минуту назад немецкая иномарка выехала с автомойки, по глянцевой поверхности пробежали искрящиеся блики.

Хлопнув дверью, из машины вышел молодой человек крепкого телосложения лет двадцати – двадцати двух. Никакой растительности на лице, кроме бровей, у парня не было, гладкий череп выглядел так, словно его хозяин скоблил голову как минимум дважды в день. В левом ухе золотисто поблескивала крошечная серьга. Незнакомец был облачен в толстовку с закатанными до локтей рукавами, светлые, потертые джинсы и начищенные до блеска военные берцы.

Оглянувшись по сторонам, парень несколько раз свистнул.

– Как там тебя... Злата!

На пустыре было тихо, и молодой человек, хмыкнув, направился к почернелым от копоти гаражам. Когда-то в начале девяностых здесь кипела жизнь, однако в

результате бандитских разборок и дележки территорий гаражный кооператив неоднократно подвергался поджогам. В результате были убиты два сторожа, а все боксы с находившимися внутри машинами сожжены. Разворотили и сожгли также сторожевую будку, от которой в настоящее время остался лишь обугленный остов. За проржавевшие-скукоженными гаражами начинался крутой обрыв, по дну которого уныло сочился мутный ручей – результат выброса отходов с дышащего на ладан котельного завода, находящегося в паре километров от пустыря.

Парень знал, что рядом с затхлым ручьем часто собирались местные бомжи, пьянчуги и уголовники. Они стирали свое воняющее тряпье, жгли костры, пекли в углях гнилую картошку, запивая ее паленым суррогатом. Но он не боялся встречи с маргиналами. Он неторопливо шагал, пиная ногами пустые бутылки и прочий мусор, который пестрел на территории бывшего гаражного кооператива плесневело-грязным ковром. Молодой человек шел, ловя себя на мысли, что и его роскошный автомобиль, и он сам смотрелись в этом прогорклом захолустье так же уместно, как ювелирные изделия рядом с выгребной ямой, от которой несет дерьмом так, причем несет так, что щиплет глаза и хочется блевать.

Но он должен был прийти сюда.

Хотя бы потому, что скоро должна подойти Валентина.

А еще хотя бы потому, что его интересовала одна шелудивая псина, вот-вот готовая ощениться. Она наверняка голодная.

Да, бродячие собаки всегда испытывают чувство голода, тем более, когда внутри тебя копошатся и толкаются еще пара-тройка маленьких щенят. А может, даже четыре.

– Злата! – снова позвал парень, вертя головой по сторонам.

«А может, Слада?» – подумал он и, озабоченно поджав губы, мазнул взглядом по закопченному кузову «семерки». Рядом с обгорелым скелетом отечественной машины валялись сплюснутые покрышки. Кажется, в прошлый раз она лежала там.

«С другой стороны, когда все мысли только о жратве, какая разница, на какую кликуху отзываться?» – резонно подумал молодой человек. Он проводил безучастным взором крупную крысу, просеменившую в кусты, и снова засвистел:

– Фью-фью-фью, Слада!

Наконец в одном из покореженных боксов с раскуроченными воротами послышался неуверенный шорох. словно кто-то тяжело ворочался, выкарабкиваясь из тряпья.

– Слада, – улыбнулся молодой человек, увидев, как из гаража, неуклюже переваливаясь, вышла крупная дворняга. Пегая шерсть запылилась, сваявшись в грязные колтуны, на левом боку псины зияла гноящаяся язва, которую облепили зеленые мухи. Тявкнув, собака засемила к молодому человеку. Ее громадное брюхо смахивало на бурдюк, наполненный водой, и оно едва не волочилось по земле, касаясь набухшими сосками пожухлой травы, пучками вылезавшей сквозь гравий.

Оглянувшись, парень подтащил старый ящик и, смахнув с него пыль, уселся, накрыв рукой кожаный подсумок на ремне.

Собака нерешительно приблизилась к нему, вяло шевеля обрубок хвоста. Слезающиеся глаза дворняги с надеждой смотрели на человека, который не спеша расстегивал подсумок. С лица парня не сходила широкая улыбка, какая бывает при случайной встрече со старым приятелем. Тем страннее было то, что его глаза источали пронзительный холод, деловито осматривая несчастную псину, начиная от блохастого загривка, заканчивая грязными растоптанными лапами.

– Кто ж тебя так, – пробормотал он, заметив рану на боку животного. Попытался согнать мух, но они не спешили покидать насиженное место, а те, которые все же взлетели, недовольно погудев, вновь присосались к гниющей дыре.

– Слада-а-а, – протянул парень, извлекая из подсумка целлофановый пакетик, в котором багровело что-то вязкое. Собака встрепенулась, приподнявшись. Ее тусклые, подернутые пленкой влажные глаза немного оживились, и она облизнулась, придвинувшись ближе.

– Конечно, я знаю, что ты голодна, – кивнул парень, аккуратно развязывая пакетик. Узел был тугим, но он не торопился, терпеливо распутывая его ногтями. Когда с пакетом было покончено, он вдруг приподнял его над головой собаки, словно дразня. Нервно подрагивая ушами, псина задрала голову, изо рта закапала слюна. Она тихонько заскулила, переминаясь с лапы на лапу.

– А где благодарность? – строгим тоном спросил парень. – Сначала скажи «спасибо», Слада.

С этими словами он протянул сбитой с толку дворняге свободную руку, повернув тыльной стороной ладони.

– Давай. Где твое «спасибо»? – настаивал молодой человек, и наконец до собаки дошло, чего от нее добивались. Наклонившись, она несколько раз лизнула протянутую руку. Язык дворняги был горячим и шершавым.

– Все, хватит, – усмехнулся парень. Он вытер руку об штанину, после чего вывалил из пакетика на землю липкий комочек фарша.

– Ну, вот, – произнес он, с удовлетворением глядя, как оголодавшая псина набросилась на прокрученное мясо. – Кто о тебе еще позаботится?

Собака проглотила фарш в мгновение ока и, облизнувшись, с надеждой смотрела на молодого человека в ожидании новой подачи.

«Ну пожалуйста, – молили ее глаза. – Дай мне еще этого восхитительно вкусного мяса! Даже не для себя! Для моих малышей!»

Он покачал головой.

– На сегодня все, дорогуша, – суховато сказал он. – Я не денежный мешок.

Дворняга сунулась было лизнуть его ладонь, но парень брезгливо отпихнул ее ногой.

– Хватит нежностей. Хочешь, просто посиди здесь, – предложил он, взглянув на часы. Озабоченно цокнул языком – прошло уже почти двадцать минут, а

Валентины все не было.

– Никакой пунктуальности, – вздохнул парень. – Сколько я тебя ни учил...

Он посмотрел на псину, которая все еще бросала на него испытующие взгляды, бестолково топчась на одном месте.

– Где твой муж, Слада? – осведомился молодой человек, доставая из подсумка сигареты. – Наверное, трахает сейчас на помойке какую-нибудь таксу, которая сбежала от хозяйки. Ты тут беременная, с гниющей раной, которую сосут мухи... Кусок мяса выпрашиваешь, а твой парень таксу жарит и она визжит от восторга...

Слада села и, с трудом задрав заднюю лапу, сделала несколько неуверенных движений, пытаясь почесать ухо. Казалось, вопросы об отце будущих щенков ее не особенно интересовали.

Прикурив, парень выпустил в вечерний воздух струйку дыма, продолжая рассуждать вслух:

– С другой стороны, хорошо вам, собакам. Никаких обязательств, никаких алиментов при разводе. Выбрал симпатичную самку, отшпилил ее под хвост, и гуляй дальше. Единственное, аборт нельзя сделать... Зато никаких ментов, никаких порицаний за аморальное поведение. Я где-то слышал один прикол, связанный с вашей собачьей братией. Мол, мир для вас делится на то, что можно трахнуть и сожрать. Если появилось нечто, с которым нельзя сделать ни того, ни другого, то это нужно обоссать. Я прав, Слада?

Судя по всему, дворняге наскучило слушать размышления молодого человека, и она, поднявшись, чихнула, после чего поплелась обратно в гараж.

Парень стряхнул пепел, вновь затягиваясь. Он уже собрался было позвонить Валентине, чтобы узнать причину задержки, как чьи-то прохладные ладони плавно легли ему на плечи. Он скосил взгляд. Пальцы были тонкими и бледными, каждый из них, за исключением больших, был унизан серебряным кольцом, ногти покрыты бесцветным лаком. На запястьях кожаные браслеты, из-под которых виднелись края багровых шрамов.

– Привет, милый, – шепнули сверху. – Привет, мой дорогой Макс.

Молодой человек поднялся с ящика, оказавшись лицом к лицу с худым бледным юношей лет двадцати. В отличие от Макса, он был его полной противоположностью. Нескладный, тощий, как пересушенная вобла, с узкими плечами и болезненным лицом, он весил вдвое меньше, чем его бритоголовый приятель. Жидкие светлые волосы стянуты в тугий хвост, который спускался почти до самой талии, в брови и губе блестели миниатюрные колечки. На нем была потертая «косуха» с вытесненным на спине черепом в пиратской треуголке, а также кожаные штаны с бахромой. Ноги парня были обуты в стоптанные казаки, на узких носках которых тускло мерцали стальные набойки.

– Соскучился? – прищурился он, потянувшись к Макс. Из рта высунулся язык, раздвоенный, словно жало у змеи, и каждый кончик шевелился отдельно, напоминая щупальца.

– Я ждал тебя, – улыбнулся Макс, прижимая субличного юношу к себе. – Привет, Валюша.

Они поцеловались.

– Придурок, который подвозил меня на такси, заблудился, – фыркнул Валентина. – У него не работал навигатор. Отвратительный мужлан. От него несло потом так, что я не могла дышать.

Гей театрально закатил глаза.

– В следующий раз, вместо того чтобы расплатиться, вхерачь ему струю газа из баллончика, – посоветовал Макс. – Я ведь подарил тебе перцовый баллончик!

– Я так и сделаю.

– И больше так не подкрадывайся, – предупредил Макс, не переставая улыбаться. – Я знаю, ты умеешь ходить бесшумно. Но я сначала ломаю руку, которая меня трогает за плечо, а уж потом разбираюсь, что там за мудило за моей спиной решил сделать мне сюрприз.

– Разве ты не почувствовал мой запах? – игриво спросил Валентина. – Я твой чувствую за несколько метров. Как акула кровь.

– Здесь слишком много дерьма, – сказал Макс, потянув носом. – Я не акула, чтобы различить твой парфюм среди этой сортирной вони.

Они снова поцеловались, а отстранившись, Макс поинтересовался:

– Ты что, бухала?

– Только бокал виски с колой.

Перехватив недовольный взгляд Макса, Валентина торопливо добавил:

– Имею право. У меня сегодня выходной. И завтра тоже.

– Ну да. Я еще подумал: как ты в таком прикиде своих клиентов стрижешь?!

Валентина посмотрел на любовника как на умалишенного.

– Максик, я же переодеваюсь. У меня классная рубашка с вышивкой под «вестерн» и приличные джинсы... Я тебе как-то показывала, помнишь? Никто ни о чем не догадывается, поверь.

С этими словами он достал из внутреннего кармана «косухи» блеснувшую никелем фляжку, поболтал в воздухе:

– Хочешь?

– Я за рулем, дурочка.

– Понятно.

Валентина убрал флягу обратно.

– Ну, а где наш клиент?

- Клиентка, - поправил любовника Макс. - Щас будет. Слада! Фью-фью-фью!

Спустя несколько секунд дворняга выглянула из гаража. Пасть собаки была открыта, она тяжело и прерывисто дышала.

- Что на этот раз? - вполголоса спросил Валентина.

- Иниазол, - отозвался Макс.

На худое лицо Валентины легла тень озабоченности.

- А метапромидол давал? - задал он вопрос. - Это противорвотное средство. Иначе она все выблует.

Макс покачал головой.

- Пусть блюет, - сказал он спокойно. - Куда она денется?

Видя, что собака не собирается покидать гараж, парень направился к ней.

- Надень перчатки, милый, - крикнул вслед Валентина, но Макс уже тащил псину наружу. Слада вяло упиралась, жалобно поскуливая, но молодой человек без труда справился с беременной собакой. Швырнув ее возле ящика, он достал смартфон, нажав на ярлычок «камера».

- Рано, - заметил Валентина. - Еще минут десять.

Собака молча смотрела на парней, из приоткрытой пасти безостановочно капала слюна, образуя на земле мутные лужицы. По грязному телу животного волна за волной пробегала крупная дрожь.

- Еще есть классная штука, делизалис называется, - снова заговорил Валентина. - Надо попробовать как-нибудь...

Слада жалобно тьякнула, и они весело рассмеялись, словно услышав остроумную шутку. В прозрачных глазах животного застыл недоуменный страх,

который постепенно вытесняла боль. С огромным трудом собаке удалось встать, разбухший живот тянуло вниз. Псина попыталась сделать несколько шагов, но ее занесло влево, и она, не удержавшись, завалилась на бок.

- Притащи ее обратно, - велел Макс, держа перед собой камеру.

Валентина скорчил рожицу.

- Максик, она такая грязная, - поморщился гей.

- Давай, давай. Вечером я тебя отмою.

С огромной неохотой Валентина напялил на руки кожаные перчатки с обрезанными пальцами и подошел к дрожащей собаке.

- Бедненькая, - вздохнул гей. - А щенята твои, наверное, вкусные? Отдашь их мне?

Он наклонился и, ухватив собаку за обрубок хвоста, не без усилий поволок ее к Макс. Слада взвизгнула, дрыгая лапами. Ее глаза начали затягиваться молочной пленкой, облезлые бока раздувались, словно кузнечные мехи, из глотки доносились клокочущие звуки, как если бы там закипал чайник.

- Я гляжу, ты возбуждился, - вкрадчиво произнес Валентина, плотоядно глядя на джинсы Макса. Туда, где выпячивался упругий бугорок. - Хочешь, мы сделаем это здесь? Прямо тут, среди разбитых бутылок и собачьего дерьма?!

Он шагнул к Макс, нежно погладив паховую область любовника.

- Если ты брезгуешь, я могу тебе отсосать, - жарко прошептал он, обдавая Макса запахом виски с колой. - Хочешь?

Макс поднялся с ящика, и Валентина принялся торопливо расстегивать ему ремень. Собака продолжала испуганно поскуливать, истекая слюной.

- Ты хорошо стряхиваешь? - вдруг спросил Валентина, с подозрением разглядывая расплывшееся пятнышко на трусах Макса. - Не люблю, когда

письками пахнет... Надо тщательно мыть свой перчик после туалета...

– Ага, – хмыкнул Макс. – Так и вижу картину, я в институте иду в сортир, после чего начинаю полоскать в раковине свой х... Особенно весело будет, если при этом в качестве свидетелей будет какой-нибудь препод. Зачет мне обеспечен.

«Молния» ширинки Макса наконец-то была открыта, и наружу вывалился эрегированный член, блестя багровой головкой. Валентина уже собрался было приступить к делу, как за спинами молодых людей что-то зашуршало. Они резко обернулись. У гаражей, пьяно покачиваясь, стоял бродяга в замызганной куртке и дырявых брюках. В руке бомж сжимал недопитую бутылку пива, к нижней губе был прилеплен потухший окурок. На одутловатом лице с покрасневшими от беспробудного пьянства глазами отразилось неподдельное изумление, быстро сменившись отвращением.

– Пидарасы, – коротко изрек бездомный, опрокидывая в себя остатки пива. – Чем вы с собакой делаете, пидарасы?

Окурок, отлепившись от губы, скользнул по замызганной куртке и исчез среди мусора на земле.

– Грязный скот, – выругался Валентина, жеманно поджав губы.

Макс недобро улыбнулся.

– На, снимай, – сказал он, передавая любовнику смартфон, который продолжал фиксировать мучительную смерть собаки.

Макс быстро застегнул джинсы и в два прыжка очутился рядом с пошатывающимся бродягой.

– Хочешь посмотреть? – процедил он. Бомж глупо улыбнулся, и парень с размахом саданул ему кулаком в лицо. Влажно хрустнул свернутый нос, хлынула кровь, заливая чумазое лицо доходяги. Неуклюже взмахнув руками, он грохнулся на обгорелые покрышки. Макс поднял выроненную бомжом бутылку и, со звоном расколотив ее об ржавый автомобильный диск, сунул «розочку» в его ошалелую физиономию.

– Ты что, блевотина, в кино приперся? – прорычал Макс. Острый край разбитого горлышка рассек щеку бомжа, и тот заверещал от боли и ужаса.

– Пацаны... Не надо, – пролепетал он, елозя ногами по гравию вперемешку с мусором. – Не убивайте! Не прав был, бля буду!

– Максим, оставь его, – подал голос Валентина. – Не марай руки.

Макс присел на корточки, брезгливо разглядывая корчившегося на земле бомжа.

– Увижу еще раз, кишки на шею намотаю, – тихо пообещал он. Швырнув в сторону «розочку», он неожиданно вцепился в немытые клочья волос бездомного и с силой ударил его об землю. Затем еще раз. Мужчина обмяк, закатив глаза.

– Ты убил его? – с тревогой спросил Валентина.

– Просто вырубил, – отрывисто произнес Макс, доставая из подсумка упаковку с влажными салфетками. – Пускай поспит. Сон укрепляет нервную систему и заменяет ужин.

Тщательно протерев каждый палец, он скомкал использованную салфетку, бросив ее на бесчувственное тело бомжа.

– Мы можем продолжить, – не сводя глаз с собаки, безостановочно катающейся от боли, проговорил Валентина. – Ты еще возбужден? Как только ролик будет готов, я вся твоя.

– Нет, – качнул головой Макс. – Этот вонючий гондон весь аппетит испортил. Потерпи до дома.

Слада уже не скулила, а громко выла. Выла хрипло, надрывно, срывая глотку, и от этого душераздирающего воя у любого нормального человека зашевелились бы волосы и в жилах бы стыла кровь. У любого, кроме этих двоих, наблюдающих страдания животного с жадно горящими глазами. Из пасти собаки летели хлопья пены, окрашенные кровью, тощие лапы отчаянно царапали землю. Громадный живот колыхался тающим желе.

Спустя пару минут дворняга утихла. Широко раскрытые глаза уставились на Макса, в тускнеющем взгляде явственно читалось:

«Это вы причинили мне эту боль, люди? Но за что? Я ведь не сделала вам ничего плохого...»

По телу собаки в последний раз проскользнула дрожь, и она затихла. Из приоткрытой пасти продолжал сочиться тоненький ручеек крови.

– Домой? – спросил Макс, быстро утратив интерес к псине. Он выключил камеру и выпрямился.

– Ага, – сказал Валентина. – Ван момент, плиз. Триумфальный и победоносный кадр.

С этими словами гей подобрал валяющийся у кострища черенок от лопаты. Затолкав один конец в глотку издохшей собаки, он не без труда приподнял труп животного над землей. Валентина широко улыбнулся. Одобрительно усмехнувшись, Макс сделал несколько снимков и поднял вверх большой палец.

– А, и самое главное, – воскликнул Валентина, вытирая пот со лба. Он достал из кармана «косухи» узкий складной нож, выдвинув блеснувшее лезвие. – Как насчет ужина из щенят? Я давно хотела попробовать, даже баклажанов с сыром купила. У тебя ведь духовка есть? У меня в рюкзаке переносной холодильник, так что этих неродившихся засранцев довезем без проблем.

Едва он присел над телом пса, как Макс обронил:

– Валя, не забывай, чем ужинала эта шваль. Я не ручаюсь, что ты сам после такого ужина не траванешься. Хорошо, если просто пробздишься, а если лапы склеишь? У меня нет желания возить тебя ночью по больницам.

Валентина замер, как истукан. У него был такой вид, словно шикарный ужин на его столе по какой-то неизвестной причине превратился в корыто с навозом. Он перевел озадаченный взгляд на любовника, после чего едва ли не с ненавистью посмотрел на остывающий труп собаки.

– На хрена ты ее химией травил? – спросил гей с плохо скрытой злобой. – Я ведь предупреждала тебя! Не мог толченого стекла подмешать? Или иголок?

С невозмутимым видом Макс пожал плечами.

– Я экспериментирую, – пояснил он спокойно. – Толченое стекло уже прошлый век, Валенька. Сейчас в тренде препараты.

Валентина плюнул на тело Слады. Выпрямился, убрал нож в карман «косухи».

– Дерьмо, – философски изрек он. Затем снова наклонился, ощупывая еще теплый живот псины.

– Прикинь, Макс, они шевелятся, – пробормотал Валентина, и в его голосе скользнул благоговейный трепет, словно он прикоснулся к святыне. – Они еще живые!

– Скоро будут мертвые, – обронил Макс. – Забудь. Кстати, любитель экзотической кухни... У меня дома мыши есть. Знаешь, как их в Китае жрут? Блюдо называется три писка. Новорожденных мышат берут палочками – первый писк. Окунают в соевый соус – второй. А потом в рот, где они пищат в третий и последний раз.

– Сравнил мышей с щенками, – проворчал Валентина. – Не хочу я мышей. Еще бы тараканов предложил.

– Иди ко мне, – сказал Макс, и гей прильнул к любовнику. – Кстати, тараканов тоже едят с удовольствием. Например, во Вьетнаме и Таиланде. Их жарят, и по вкусу они напоминают чипсы.

– Ты меня любишь? – прошептал Валентина, тут же перестав дуться.

– Что, сомневаешься?

– Ты не ответил.

Макс нежно куснул его за мочку уха.

– Я докажу тебе это сегодня ночью, – шепнул он в ответ.

– Я хочу, чтобы ты сделал мне больно, – отведя взгляд в сторону, признался Валентина. – Как... в тот раз.

Губы Макса раздвинулись в хищной ухмылке.

– Сделаю, – пообещал он. – А ты пообещай, что больше не будешь пилить вены. Во всяком случае, так близко к запястьям. Твои браслеты уже не скрывают шрамы. Сам понимаешь, что может подумать клиент, когда видит парикмахера с такими руками.

– Ладно... а знаешь, я тут фишку одну прочла на форуме... – с воодушевлением заговорил Валентина, желая сменить неприятную тему. – Берется толстая леска или веревка, с обоих концов привязываются крючки, на каждом из них по шмату мяса. И швыряем это двум собачкам одновременно. Они вкусняшку проглатывают, а потом начинается самое смешное. Понимаешь, о чем я? Игра, типа «перетягивание каната». Дергаются так, что кишки наружу вылезают...

Взявшись за руки, геи зашагали к машине.

* * *

– Почему мы остановились здесь? – удивился Валентина, когда Макс припарковал машину в соседнем дворе.

– Еще светло, я не хочу, чтобы нас видели вместе, – пояснил парень. – Не обижайся. Через десять минут я кину тебе смс, и тогда приходи.

Валентина надул губы, став похожим на обиженного ребенка.

– Это унижительно, – сказал он, шмыгнув носом. – Я не хочу встречаться тайком, будто мы какие-то преступники...

Макс накрыл бледную руку любовника своей громадной ладонью со сбитыми костяшками:

– Солнце, мы живем в России. Ты сама прекрасно знаешь, как здесь относятся к лицам иной ориентации. Я не хочу, чтобы до моих предков дошли провокационные слухи. И не забывай, что я все еще зависим от них. В частности, от отца, благодаря которому имею отдельную хату, вот эту тачку и все остальное... Между прочим, деньги за комнату, которую ты снимаешь, я тоже беру у папаши. Окончу свой «мед», получу диплом, встану на ноги, тогда все будет иначе.

– Твой отец – генерал в отставке, – безучастно произнес Валентина, кусая ноготь. – У них снаряды из головы торчат, они на всю жизнь контуженные. Ты думаешь, после окончания института что-то изменится?

– У меня будет престижная работа. Возможно, мы через какое-то время уедем в Европу.

Валентина недоверчиво улыбнулся.

– В Европе жесткие законы по поводу насилия над животными. То, на что смотрят правоохранители сквозь пальцы здесь, не прокатит там. Если легавые застукают нас за развлечухой с каким-нибудь псом, мы получим реальные сроки. А я тюрьмы не переживу. Лучше вскрыть вены, чем позволю, чтобы меня долбил в очко какой-нибудь вонючий ниггер или латинос...

– Ладно, не будем строить столь долгоиграющие планы. Зайди в магазин, возьми минералки или еще что-нибудь.

Вздыхнув, Валентина вылез из автомобиля и, послав воздушный поцелуй Макс, побрел в сторону супермаркета.

Ровно через десять минут мобильник Валентины пискнул, сообщая о полученном сообщении от Макса, и гей торопливо зашагал к подъезду.

– У меня есть «колеса», – известил он, скидывая в холле казаки. – Помнишь, на прошлой неделе закидывались? Будешь?

Макс качнул головой.

- Нет. Сегодня вечером я хочу ром, а ты смотри сам. Еще есть коньяк и виски.

Он опустил взгляд на носки любовника – белые, с пухлыми розовыми сердечками, пронзенными стрелами.

- Надеюсь, трусы у тебя такие же? – улыбнулся он.

- Не такие, но что-то очень близко.

Помыв руки, гей прошел на кухню. Макс тем временем открыл холодильник и выкладывал на стол оливки, нарезанный сыр с ветчиной, красную рыбу, буженину и овощные салаты.

- Я посмотрел ролик, который ты прислал вчера вечером, – сказал Валентина, вылавливая оливку шпажкой. – Как китовую акулу распиливали на дольки. Никогда бы не подумал, что такую громадину легко строгать. Прямо как огурец.

- У акул нет ребер, одни хрящи. Поэтому и пилить легко. Тебе не понравилось? – поинтересовался Макс, доставая из морозилки лед.

- Нууу... как тебе сказать, – протянул Валентина. Он кинул оливку в рот, накручивая на указательный палец кончик своего «хвоста». – Одно дело – вшивая псина, которая только и умеет гавкать и кусаться. А другое – огромная акула. Большая и величественная. Как бы я ни разделял твое специфическое хобби, мне кажется, акула такого не заслужила. Во всяком случае, ее могли бы кромсать с головы. А в ролике начали с хвоста. Бедная... ее уже до середины настрогали, а она все еще жива, рот разевает... Типа, че творите, люди?!

- В комнате клетка с мышами, – сказал Макс, откупоривая бутылку с ромом. Было видно, что он не горел желанием обсуждать мучительную смерть акулы, как и проснувшуюся совесть худосочного любовника. – Что с ними сделаем? Можно сварить на медленном огне. Можно поджарить. Можно ножницами укоротить лапки. Можно повесить на сушилке, как гирлянду, и утыкать булавками.

Валентина сделал вялый жест рукой в воздухе.

- Чего-то сегодня уже ничего такого не хочется.

Его взгляд наткнулся на пластиковый стакан, стоящий на столе вверх дном. Приглядевшись, он увидел под стаканом неподвижно лежащую муху.

- Ты уже перешел на насекомых, дорогой? - спросил он, подмигнув Максу.

- Просто где-то вычитал, что они могут жить без головы несколько дней, - улыбнулся тот. Поставив на стол охлажденные бокалы, он плеснул в них ром. - Сегодня первый. Добавить колы, родная? Или ты по химии сегодня?

- Пожалуй, я тоже выпью, - решил Валентина. - Оставим «колесики» на следующий раз...

Пока Макс разбавлял ром, он приподнял пластиковый стакан, с интересом глядя на безголовую муху.

- Она сдохла, - вынес он вердикт, глядя на неподвижное черное тельце насекомого.

- Хрена с два, - качнул головой Макс. Он вытащил из деревянной подставки зубочистку и осторожно коснулся ею мухи. Она судорожно зашевелила лапками, елозя по поверхности стола.

Они чокнулись бокалами, выпили.

- Какие планы на завтра? - спросил Макс, закидывая в рот пластинку дырчатого сыра. - У меня есть пневматика, можно на пруд сходить. Я на днях утенка одного подстрелил, глаз ему вышиб. Он после этого по кругу начал плавать, прикинь? Как будто циркулем чертил, ровно-ровно... Правда, на следующий день я его больше не видел. Сдох, наверное.

- Забавно, - улыбнулся Валентина. - Еще какие варианты?

- Можно на дачу ко мне двинуть, с ночевкой. Поставим силки на птиц, порезвимся. Можно бобра поймать. Помнишь, как в том году на кол одного нанизали?

Лицо Валентины засветилось от воспоминаний.

– Конечно, помню. Живучий оказался, извивался, как червяк. Его над углями держишь, а он только сопит и дрыгает лапами. Окочурился, только когда уже обугливаться начал... – проговорил он с мечтательным видом.

Они засмеялись.

– Поехали на дачу, – подумав, решил Валентина. – Люблю свежий воздух... Лесные запахи, сено, великолепные закаты... А вечером шашлык намотим. У тебя там есть постельное белье? Чистое? Ненавижу грязь...

Макс ответил, что есть.

Когда ужин был закончен, Валентина вылез из-за стола.

– Я в душ, милый, – тихо сказал он. – Когда я выйду, я хочу, чтобы ты тоже был раздет...

Макс тепло улыбнулся.

Пока Валентина мылся, он вынул из шкафа кожаный хлыст с искусно сплетенной рукояткой. Приготовил горячий шоколад и новые порции рома, затем снял с себя обтягивающую футболку. Как и голова, все тело Макса было тщательно выбрито, в центре мускулистой груди красовалась цветная татуировка в виде ухмыляющегося черепа в рваной бандане и двумя скрещенными мачете под ним. Над черепом готическим шрифтом выведено:

SINE METU MORTIS [1 - Без страха смерти (лат.).]

Когда вода в ванной перестала литься, Макс открыл небольшую комнату. Окно закрыто жалюзи, все стены помещения были обиты черным ковролином, обеспечивая звукоизоляцию. Под потолком по всему периметру установлены прожекторы и галогенные лампы. На специальном откидном столике мерцал экран монитора. Макс наклонился, щелкнув клавишей воспроизведения, и комната мгновенно завибрировала от хрипящих аккордов финской группы «Turmion Katilot». Сумасшедшим калейдоскопом одна за другой вспыхивали

лампы, сверкая самой разнообразной палитрой – от ядовито-желтого до пурпурно-красного, словно бьющая из раны артериальная кровь, от мягко-изумрудного до темно-синего, почти черного, как вода на дне океана. На темных стенах комнаты рубиновые лучи лазера, струящиеся из анимационного проектора, нервно чертили зигзагообразные узоры.

– Я здесь, – шепнули прямо в ухо, и Макс обернулся.

Валентина распустил свои длинные волосы, которые свисали на его лицо влажно-белесыми паклями. На шее застегнут кожаный ошейник с острыми шипами, к которому крепился стальной карабин с длинной цепью. В соски впалой груди Валентины были вдеты крупные кольца из хирургической стали. От гея исходил запах духов, ногти на ногах покрыты нежно-фиолетовым лаком.

– Я просил тебя отрастить ногти, – хриловато сказал Макс, указывая плеткой на узкие ступни любовника.

Валентина обнял его.

– Тогда мне придется носить открытые туфли, – прошептал он в ухо Макс. – Я порву носки к чертовой матери, если начну отращивать ногти... И потом... Как ты думаешь, сколько я продержусь на своей работе, если в таком виде буду стричь клиентов?

Макс внезапно впился ему в губы, и Валентина вскрикнул. Подбородок гея прочертила узкая струйка крови.

– Ты безумен, – задыхающимся голосом сказал он, слизывая кровь. – Как... животное.

Макс хрипло засмеялся. В его темных блестящих глазах скользили беспорядочные блики от вспышек мигающих ламп и прожекторов.

– Возьми меня, хозяин, – с покорным видом вымолвил Валентина, протягивая Макс. конец цепи.

– Сейчас я покажу тебе, как я тебя люблю, – тем же хриплым голосом произнес Макс и, взяв миску с остывающим шоколадом, запустил туда пятерню. – Сейчас... покажу...

Он шлепнул вязко-коричневое месиво на бледную грудь Валентина, и тот судорожно вздохнул. Следующую порцию шоколада Макс размазал по своим гениталиям. Ухмыльнувшись, он поудобнее обхватил плеть, другой рукой схватив цепь, к которой был пристегнут его любовник.

Валентина застонал, и его крик слился с щелчком хлыста по обнаженному телу.

Когда все было закончено и некоторые особо глубокие царапины Валентина были продезинфицированы и заклеены пластырем, они в изнеможении распластались на постели.

– Ты зверь, – прошептал Валентина, медленно водя указательным пальцем по накачанному бицепсу Макса. – Яростный, дикий, необузданный... Жестокий. Не знающий пощады... Но я люблю это... Правда, мы извращенцы? Нас нужно лечить, Макс?

– Не знаю, – лениво отозвался тот. Он молча разглядывал потолок, на котором в свете уличных фонарей отражались скрюченные тени деревьев. – Думаю, все в той или иной степени извращенцы. Просто кто-то держит в тайне свои грязные секреты до самой смерти... А кто-то нет. И даже выпячивает их наружу. Нате, мол, смотрите, я такой, какой есть, и мне плевать, нравится вам это или нет.

– До самой смерти, – эхом повторил Валентина. – Ты сегодня говорил про наше будущее... Но я не хочу ждать, Макс. Мне надоела эта съемная комната. Я ненавижу соседа, мерзкого потного сантехника, который вечно пердит и воняет перегаром! Однажды он назвал меня гомосексом. Я хотела ему глаза выцарапать! Подумать только!

– А разве это не так? – хмыкнул Макс. Видя, что тот насупился, он легонько пихнул любовника в худой бок: – Не дуйся.

– Я хочу к тебе, – продолжил после паузы Валентина. – Я устала прятать свое настоящее «я». Я хочу одеваться в красивые платья и носить босоножки на высоких каблуках! Я хочу красить губы! Я мечтаю, чтобы в моем паспорте вместо долбаного «Валентина» значилось «Эйприл»! Или хотя бы «Джейн»! Я хочу улыбаться и радоваться жизни! А не бояться, что мне в подворотне пьяные гопники надают по щам и снимут штаны, засунув туда бейсбольную битку!

Макс вздохнул. Ему было нечего возразить на этот крик души, пылкий, отчаянный, от которого одновременно веяло какой-то опустошенно-ледяной безысходностью.

Помолчав, Валентина вновь заговорил:

– У нас на работе есть одна сучка. Нос картошкой, вся в прыщах и постоянно под мышкой чешется. Не пойму, она там не бреет, что ли, и у нее вши завелись? Но я о другом. Эта манда с мужем ездили отдыхать в Мюнхен, и она рассказывала, вот, мол, идем по улице, а навстречу мужик под два метра ростом, в розовых шортиках и такой же розовой пушистой блузке. Обут в туфельки, ногти накрашены, а сами ноги выбриты так, что по ним хоть шелковый платок пускай, соскользнет... И эта сука, скребущая ногтями под мышкой, брезгливо так выдает:

«Я еле удержалась, чтобы не сплевать. Чертов гомик. Я бы ему очко монтажной пеной залила, пусть знает, для чего жопа нужна...»

– Ну и что? – без особого интереса спросил Макс. – Нашла на кого реагировать. Пусть твякает.

– А то, что я сама еле сдержалась, чтобы не перегрызть этой твари глотку, – злобно процедил Валентина. – На Западе за такие высказывания эту тварь привлекли бы к суду! Будь моя воля, я бы таких моралистов сжигала заживо. Не удивлюсь, если и она, и ее гребаный муж сами мечтают о чем-нибудь таком... Втайне от всех.

– Послушай, все хотел тебя спросить... При мне ты отзываешься о себе в женском роде. Как ты умудряешься себя контролировать на работе и вообще везде?

Валентина пожал плечами.

– Я привыкла, – просто ответил гей. – Когда я вижу тебя, то ощущаю себя твоей любимой женщиной... Мне нет нужды следить за своей речью, это происходит неосознанно. Понимаешь?

Несколько минут они лежали в полном молчании.

– Насчет моего отца, – наконец произнес Макс. – Чтобы закрыть эту тему окончательно.

– Ну?

– Он все ждет, когда я приведу к ним домой невесту для знакомства. Напрягается, почему я не женюсь. Задолбал уже.

– Приведи меня, – предложил Валентина, погладив мускулистую грудь Макса.

– Ага, – мрачно согласился парень. – Голого, с ошейником, с размазанным на заднице шоколадом. Отец будет в восторге. Тогда уж надо одновременно «Скорую» вызывать.

Они захихикали, лаская друг друга.

– Ты сегодня какая-то другая, – неожиданно сказал Макс. Он приподнялся, внимательно глядя на любовника. – Что-то случилось?

Валентина кашлянул.

– Вот что значит привязанность, – дрогнувшим голосом проговорил он. – Ты мгновенно чувствуешь перемены во мне... Я тебе когда-нибудь рассказывала о своем старшем брате? Его звали Дима.

– Ты говорила, что он умер в детстве, – осторожно сказал Макс. – Но в нюансы не вдавалась. Это был несчастный случай?

Валентина долго молчал, словно еще раздумывая, стоит ли посвящать любовника в подробности смерти своего брата, затем все-таки заговорил:

– В те дни я только-только начала понимать, что со мной что-то не так. Мне уже исполнилось семь, но я чувствовала, что не такая, как остальные мальчики моего возраста. Попыталась поговорить об этом с Димой, но каждый раз в последний момент меня что-то останавливало. Наверное, я боялась разоблачения и реакции брата... Все-таки ему было уже двенадцать и он начинал обращать внимание на девочек. Но как бы то ни было, я любила его. Он был сильным и крепким парнем. Если кто-то во дворе меня обижал, он тут же заступался, он никому не давал спуску...

Почти минуту Валентина молчал, прокручивая в мозгу события прошедших лет, затем продолжил:

– Мы тогда жили в Тайшете, это в Иркутской области... В тот день ярко светило солнце. Нас было четверо: я, Дима и еще двое мальчишек из соседнего двора. Кто-то из этих двоих предложил сходить к заброшенному пищевому комбинату. Там часто собирались взрослые ребята – жгли костры, играли на гитаре и пили водку. Но они собирались вечером, а мы пошли туда днем. Там действительно было интересно: множество помещений, подвалов, за день не обойдешь... Но когда мы вышли наружу и уже собирались обратно, я едва не наткнулась на нее.

– На кого? – тихо спросил Макс.

– На собаку, – ответил Валентина, понизив голос. – Она стояла у стены и писала, задрала лапу. Увидев меня, она зарычала. Дима крикнул, чтобы она убиралась, и бросил в нее камень. Собака гавкнула и убежала... Еще тогда меня охватило жуткое предчувствие. Я предложила Диме вернуться в здание и попробовать найти выход с другой стороны. Из окна, в конце концов. Но Дима только засмеялся. «Чтобы я испугался какой-то драной шавки?» – сказал он со смехом. Мы вышли с территории комбината, и, едва мы прошли несколько шагов, я услышала злобный лай. Боже мой! От этого хриплого, яростного лая у меня заложило уши, а мочевого пузыря был готов вот-вот опорожниться. Я оглянулась, чувствуя, как у меня затряслись коленки. Собачьи твари. Их было, наверное, штук тридцать. Целая стая грязных монстров, с горящими глазами! И они неслись на нас, словно цунами! Те двое мальчишек как-то быстро сориентировались и рванули в сторону оврага. Дима орал над ухом, чтобы я бежала за ним, но я словно окаменела от ужаса. Я просто стояла и тряслась от

страха, бледная, с мокрыми от слез глазами, и будто загипнотизированная смотрела, как стая приближается к нам. По-моему, я даже описалась... Дима схватил меня за шкурку и потащил к оврагу, но несколько псин, видимо, разгадали наши намерения, и они начали в буквально смысле окружать нас. Я споткнулась, разбив в кровь коленку. Дима схватил меня и перекинул на плечо, как тряпичную куклу... Путь к оврагу был закрыт, и он, держа меня в руках, побежал обратно к комбинату. Собаки настигали его, и первая уже вцепилась ему в ногу. Дима вскрикнул от боли.

«Держись!» – закричал он, поднимая меня наверх. Мы находились у ворот заброшенного здания, и я, ломая ногти, вскарабкалась наверх.

«Не смей слезать! Держись крепче!» – крикнул мне Дима.

«Быстрее!» – завизжала я, видя, как огромная тварь бросилась на брата. От удара он не удержался и упал. На него тут же прыгнула другая собака. Дима пытался отбиваться, но псов было слишком много...

Валентина всхлипнул, и Макс ласково погладил его по голове.

– Если хочешь, можешь не продолжать, – мягко предложил он, но гей покачал головой.

– Я должна был рассказать тебе это, – произнес он, вытирая глаза. – Рано или поздно... Понимаешь, это как глубокая заноза... Она не дает мне покоя. Если ты будешь знать об этом, мне станет легче, милый. В общем, Диме наконец удалось подняться на ноги. И хотя я была наверху, а он внизу, я все равно видела, что мой брат был ранен. Seriously ранен. Одно ухо у него висело на клочке кожи, словно окровавленная тряпка. Левая рука вся в крови, я даже сейчас вижу, как кровь капает на землю... Нога тоже была прокушена в нескольких местах.

«Валя...» – начал Дима, но в следующее мгновение здоровенная тварь накинулась на моего брата сзади. Собака повалила его на землю, вцепившись ему в шею. Я заревела от ужаса. Дима хрипел, пытаясь сбросить с себя эту мерзость, но все было напрасно. Он был обречен и, что самое жуткое, понял это. Я закричала, призывая на помощь. Но рядом никого не было. Никого, Макс. Те двое паскудников, что были с нами, видимо, наложили в штаны от страха и слиняли. Место было пустынное, и мои вопли никто не слышал.

Валентина глубоко вздохнул.

– В какой-то момент Диме удалось подняться, – продолжил он. – Не могу понять, как у него это получилось. Он стоял, шатаясь, и смотрел на меня стеклянным взглядом. Из шеи била тонкая струя крови, яркая и блестящая. Далеко была, наверное, метра на два... Я смотрела на этот фонтан крови, как замороженная. Никогда подобного не видела, и, что самое ужасное, я не могла отвести взор от этого дикого зрелища...

– Валя, – начал Макс, но Валентина резко дернул плечом:

– Не перебивай меня!

Макс умолк, и гей, прерывисто дыша, возобновил рассказ:

– Эта чертова гадина, что так подло бросилась на Диму из-за спины, снова кинулась на него. Теперь она рвала его лицо. Тварь урчала, будто ей подали самый вкусный обед на свете. Дима уже не пытался подняться. Какая-то псина обгладывала ему руки. Я видела, что пальцев на них уже не было. Другая собака грызла ему живот. Я уже не кричала, а только судорожно всхлипывала. Кажется, я просила собак не причинять боль Диме.

«Пожалуйста, уйдите», – умоляла я. Но они не ушли. Они жрали моего брата, казалось, целый час. И больше всего усердствовала эта мразь, что в самом начале повалила Диму... Постепенно все псины разошлись, и остался только этот кошмарный людоед. К тому времени тело моего брата было обглодано так, что стали видны ребра и кости. Джинсы Димы превратились в окровавленные лохмотья, и теперь этот пес жрал все, что было ниже живота... Время от времени тварь поднимала морду, она была вся красная от липкой крови. Гадина фыркала и хитро поглядывала на меня. И каждый раз, когда я видела ее обезумевшие глаза, в моем мозгу словно щелкало:

«Она будет ждать, когда у тебя не останется сил и ты упадешь на землю. Тогда этот монстр сожрет тебя».

Я не помню, как мне удалось остаться на воротах и не свалиться вниз. Два раза меня вырвало. Я сидела, дрожа от ужаса, и смотрела, как тело Димы

превращается в скелет. Наконец собака насытилась и медленно ушла прочь. Она ушла, не оглядываясь. Но весь ее вид словно говорил:

«Подожди, детка. Дойдет и до тебя очередь...»

Валентина приподнялась на постели, в упор глядя на Макса.

– Эти двое гаденышей, что сбежали, оказывается, даже не сразу рассказали взрослым, что произошло. Видать, очень боялись, что им влетит за то, что ушли без разрешения... Меня сняли, когда наступил вечер. Говорили, это с трудом удалось сделать двоим мужикам – так крепко я вцепилась в ворота. Приехали «Скорая» и милиция. Несколько собак, которые бродили вокруг, застрелили, но, насколько я знаю, среди них не было той гадины, что пожирала Диму. Бедный мой братик... Его хоронили в закрытом гробу. Да что там было хоронить-то! Кучку окровавленных костей! А эта сука, что сожрала его, осталась жива! Громадная тварь черного цвета, с рваным ухом и белой отметиной под правым глазом. Я запомнила эту собаку, Макс. На всю жизнь, это точно. Прошло пару лет, и я пыталась разыскать эту мразь. Я тайком брала у отца травматический пистолет и часами ходила по территории этого блядского комбината. Подстрелила пару бездомных псов, но эта черная гадина с рваным ухом будто сквозь землю провалилась. Я скрипела зубами от гнева и бессилия. Моим эмоциям нужен был выход, и те вонючие шавки, которых я убила, не удовлетворили мое чувство мести.

«Может, ее уже убили? – терзалась я. – Может, ее загрызли сородичи?» Однако даже если бы мои предположения подтвердились, едва ли они могли успокоить мою ненависть к псине. Я хотела самостоятельно убить эту гниду. Понимаешь, Макс? Подстрелить ей лапы, чтобы лишить передвижения. Затем я бы подвесила мразь на крюк и поджаривала бы на медленном огне. Каждый миллиметр ее шкуры. Я бы превратила остаток ее никчемной жизни в ад. Я мечтала воткнуть ей в глотку палку, так, чтобы она вышла из задницы. Обмотать морду колючей проволокой и завязать на носу бантик. Залить в уши кипятком. Выковырять ложкой глаза и затолкать их ей в пасть... Но моим мечтам не суждено было сбыться. Я так и не нашла ее. Сколько живут собаки, Макс? Лет пятнадцать?

– Это в лучшем случае, – отозвался парень, с трудом сдерживая зевок. – Бродячие живут куда меньше. Каждый день для псины, которая живет на улице, может оказаться последним.

– Значит, она уже давно сдохла, – угрюмо произнес Валентина. – Диму убили четырнадцать лет назад. Но вдруг, Макс? Вдруг этот людоед еще жив? Валяется где-нибудь на обочине, вся покрытая коростой грязи, с гноящимися глазами... А сердобольные люди, сжалившись, бросают ей остатки гамбургера или недоеденную сосиску... А эта тварь уже и забыла, что сожрала моего брата! Живьем!

Валентина лег, натянув одеяло до самого подбородка.

– Иногда мне кажется, что это и не собака вовсе, – прошептал он. – Когда она смотрела на меня тогда, пока я, трясясь от ужаса, сидела на воротах... Ее взгляд... Был совершенно осмысленный. Почти как у человека...

Вскоре Макс захрапел, но Валентина еще долго лежал с открытыми глазами, что-то беззвучно шевеля губами.

Одна из мышей тоже долго возилась в клетке. Тихо попискивая, она крутила головой, словно пыталась сообразить, каким образом можно выбраться наружу. Но вскоре затихла и она.

* * *

Потолкавшись в душных пробках, «БМВ» наконец вырулил на Рижское шоссе и, набрав скорость, с раздраженным ревом понесся в сторону области. Солнце сверкало на безоблачном небе ослепительно-огненным шаром. Серая лента бесконечной трассы стремительно проглатывалась немецкой иномаркой.

Валентина нацепил солнцезащитные очки и высунул голову в окно. Встречный теплый ветер яростно затрепал жидкие волосы гея, и он вновь и вновь с улыбкой убирал длинные пряди со лба.

– Милый, как мы будем заезжать к тебе на дачу? – проворковал он. – Ты же наверняка не хочешь, чтобы нас увидели твои соседи. Ты высадишь меня возле какого-нибудь болота, и я буду ждать сигнальный костер, означающий, что мне можно бежать в твои объятия?

– Очень смешно, – обронил Макс, включив радио. Из динамиков, грохоча жесткими рифмами, зарокотали аккорды группы «Ruoska». – Нет, не нужно никаких маскировок. Сегодня будни, а мои соседи бывают на даче только по выходным.

Помолчав, он произнес:

– Ты мало ела за завтраком.

– Я поздно поднимаюсь, – отозвался Валентина. – Это ты у нас приткий жаворонок. А я сова и долго раскачиваюсь. Мой организм просыпается постепенно.

– Если проголодаешься, в бардачке орешки, – произнес Макс. – И чипсы.

– Ты так предусмотрителен, – хихикнул гей. Его бледный лоб прорезала морщина, будто он вспомнил о чем-то.

– С мышками как-то скучно вышло, – заметил он и, вынув из кармана резинку, забрал волосы в «хвост».

– Я тебе предлагал их сварить, – напомнил Макс, пожимая плечами. – Но ты сама захотела их в микроволновку запихнуть.

Валентина сморщил нос.

– Если бы мы их варили в сковороде, у тебя вся кухня провоняла бы.

– Ну, от СВЧ вони было не меньше. Зато как на них шерсть трещала! Прямо бенгальские огни!

Они переглянулись и рассмеялись.

– Макс, я давно хотела тебя спросить, – вдруг сказал Валентина, посерьезнев. – Вчера я поделилась с тобой своим самым сокровенным. Ты уж извини, буду с тобой пряма. По сути, мне плевать на этих мурзиков и мышей, над которыми ты экспериментируешь. А на тараканов с мухами тем более я ложила хер. Я ничего

против них не имею. Собаки – вот чего я не выношу. И теперь ты знаешь причину, по которой я с радостью размажу любую шавку. Да, мои мозги переклинило после смерти Димы... но у меня хотя бы есть формальный повод ненавидеть животных.

– И в чем твой вопрос? – осведомился Макс, не сводя глаз с шоссе. – Не тяни kota за яйца, дорогая.

– Я хочу узнать, что насчет тебя, Макс. Как ты к этому пришел? Как можно дойти до того, что у тебя мгновенно встает, когда из пуза очередной псины вываливаются кишки? Ты ведь не догхантер. У тех есть, пусть и надуманная, мотивация. Мол, самостоятельно чистим город от бродячих животных, которые могут представлять опасность. А ты?! Ты совсем другой. У тебя совершенно иная философия.

Макс метнул на любовника пыливый взгляд. Его глаза напоминали высверленные отверстия, сквозь которые сочился безжизненный холод.

– Не смотри на меня так, – нервно сказал Валентина, поведя плечом. – Я помню первый раз, когда мы сидели у тебя. Ты еще включил ролик, как одна японская шалава давила котят шпильками. У тебя глаза загорелись, как у ребенка, который под елкой нашел долгожданную игрушку. И губы повлажнели, я это заметил. Ты возбуждился.

– И что с того? – спокойно спросил Макс.

– Это пугает, – сказал Валентина, отведя взгляд в сторону. – Я читала, что со временем подобные развлечения перестают вштыривать, и человеку требуются новые ощущения. Дозы постоянно повышаются, понимаешь, Макс? Это как наркотик, вроде герыча. И с него просто так не соскочить.

– Хочешь сказать, я скоро перейду на людей? – усмехнулся Макс.

Валентина озадаченно уставился в окно, словно вопрос любовника поставил его в тупик.

– В этой жизни все взаимосвязано, Валя, – проговорил Макс. – Я верю в карму. Если есть существо, которое по каким-то причинам не должно существовать, то почему я не могу взять на себя полномочия по прекращению его жизни? Если этой твари небесами предназначено страдать, то почему бы мне не сделать все своими руками? Эта безголовая муха, что до сих пор валяется у меня под стаканом, разносит заразу. Жужжит, гадит на пищу и плодит такую же мерзость, себе подобную. Больше этого она делать не станет. Грязная сука, которую мы вчера отравили, наверняка покусала немало людей. Какая от нее польза? Если бы мы с ней не разделались, она наплодила бы кучу скулящих ублюдков, которые превратились бы в громадных, злых и вечно голодных псов. И может быть, в один прекрасный день они загрызли бы какую-нибудь девочку. Или мальчика, как твоего брата.

Заметив, как переменялось лицо Валентины, Макс поспешил добавить:

– Извини. Это было жестоко.

Несколько минут прошло в полном молчании.

– Сколько еще осталось? Мне надоело ехать. И я хочу в туалет, – капризно сказал Валентина, открывая бардачок. Вскрыв пакетик с фисташками, он с меланхоличным видом принялся их чистить, бросая орешки в рот.

– Еще минут тридцать, – отозвался Макс.

Он окинул любовника внимательным взглядом:

– Ты в курсе, что дикие животные не переживают боль как таковую?

На худом лице Валентины отразилось недоумение:

– То есть как это? Мне казалось, боль чувствуют все... Ну, разве что кроме червяков или медуз...

– Очень просто, – кивнул Макс. – Для дикого животного визжать и реветь от боли неестественно. Они понимают, что от этого боль ничуть не уменьшается. Например, лиса или рысь угодила в капкан. Если она станет визжать, ее быстро

обнаружат другие хищники и сожрут. Крики и рев животных имеют другой смысл. Так, это характерно для стадных животных. К примеру, на буйвола напал тигр, и он мычит, чтобы привлечь внимание сородичей... Визжат щенки, но опять же, для того, чтобы на них обратили внимание родители или другие взрослые. Ну и конечно же, это касается прирученных животных. Почему домашняя кошка, которой прищемили хвост, орет на всю квартиру? Она знает: придет хозяин и поможет. У диких животных такого нет. Они скорее отгрызут себе лапу, чем будут реветь над капканом...

Валентина ничего не ответил, лишь убрал со лба прядь волос.

– Я хочу найти таких животных, – тихо сказал Макс. – Я хочу посоревноваться. Думаю, у меня получилось бы вытянуть из них какие-то звуки.

Валентина задумчиво посмотрел на парня, но снова ничего не сказал.

Прибыв на дачу, Макс тут же вынес из бани дочерна прокопченный мангал и занялся мариновкой мяса. Валентина бесцельно бродил по участку, лениво помахивая прутиком. Сорвал с дерева незрелое яблоко, надкусил и, поморщившись, выплюнул.

– Кислятина, – резюмировал он, швыряя надкусанное яблоко за забор. Он раздраженно потер ягодицы, и Макс заметил это.

– Трусы натерли? – сочувственно поинтересовался он.

– Да хрен его знает, – проворчал гей. Помявшись, он спросил, глядя в сторону: – Макс, а правда, что у таких, как мы, со временем сфинктер разбалтывается?

Макс пожал плечами, улыбнувшись краем рта.

– Ну, у таких, как ты, точно, – сказал он, нарезаю мясо широким ножом. – А в чем проблема-то?

Валентина покрутил головой, словно желая убедиться, что их пикантный разговор никто не подслушивает.

– Когда расслабляются мышцы, человек не может сдерживать газы, – понизив голос, сообщил он. – Я не хочу пердеть, как старый мудозвон.

Макс похлопал гея по плечу.

– Я подарю тебе затычку, милая. Только не забудь ее иногда вытаскивать, а то тебя разнесет и ты улетишь, как воздушный шар.

– Ага, очень смешно, – сказал Валентина, нахохлившись.

– Ладно, не бойся, я пошутил, – улыбнулся Макс. – Пришлю тебе кое-какую статью про расширение мышц сфинктера и как с этим бороться. Все, хватит про задницы. У меня для тебя небольшой сюрприз.

С этими словами парень ткнул лезвием ножа в сторону сарая. Смахнув с носа капельку пота, он прибавил:

– Я кое-что покажу тебе.

– Ты меня заинтриговал, – оживился Валентина.

Закончив с мясом, Макс быстро сполоснул руки и махнул рукой любовнику:

– Идем.

Гей молча проследовал за ним. Поднявшись по ступенькам наверх, Макс открыл ключом небольшой замок на дверце и, с грохотом откинув ее, взобрался на второй этаж.

– Батя думает, я тут книжки по анатомии читаю, – сказал он, подмигивая Валентине. – Внимание! Па-бам!!!

Шагнув к стене, он сорвал темное покрывало. Изумленному взгляду гея предстал высоченный стенд, на котором, прикрученные стальной проволокой, в порядке возрастания желтели черепа животных, начиная от крысиного и заканчивая коровьим.

– Чудесная коллекция, – восторженно проговорил Валентина, осторожно трогая чей-то продолговатый череп с клыками. – Это волк?

Макс кивнул, явно польщенный реакцией любовника.

– Это не просто коллекция. Все эти крошки прошли через мои умелые руки, – заметил он. – Сложнее всего было с коровой. Она заблудилась в болоте и мычала как сумасшедшая. Я вскрыл ей глотку, но тупая тварь еще долго бултыхалась в луже... Целых полчаса ушло на то, чтобы отпилить ей голову, и в конце концов я был с ног до головы забрызган кровью. Пришлось спрятать одежду и пробираться домой чуть ли не в трусах. Хорошо, предки не запалили. Мать на грядках со своей гребаной редиской, батя на рыбалке...

– А волк?

– Волка я взял в Тульской области, через знакомого охотника. Всю ночь с ним в овраге провел. Крепкий сученыш оказался... А из его шкуры я сделал коврик, он сейчас в бане.

С этими словами Макс бережно закрыл стенд покрывалом.

– Что скажет твой отец, когда наткнется на это? – поинтересовался Валентина. – Вряд ли он по достоинству оценит твою коллекцию.

– Ключи от замка на второй этаж только у меня. Отец туда не суется. Кроме того, у него больная нога и он не любит ступеньки. Но я все равно собираюсь перевезти мои сокровища в город, – ответил Макс. – Ладно, я в лес, силки поставить. Сегодня с птичками позабавимся... Не желаешь составить компанию?

Валентина неохотно повел узким плечом:

– Я лучше тебя тут подожду. Салатиков нарежу, воздухом подышу...

– Как хочешь.

Они спустились вниз, и Макс вытащил из рюкзака пакет.

– Что там? – с любопытством поинтересовался гей. Ухмыльнувшись, Макс вытащил пластиковую бутылку с аккуратно отрезанным верхом.

– Это что, называется «силки»? – разочарованно протянул Валентина, и Макс кивнул.

– Бутылка закапывается в землю, внутрь насыпается приманка, – объяснил он снисходительно. – Птица чует еду и лезет внутрь. Для того чтобы взлететь, этой дуре нужно расправить крылья, чего она не может сделать, застряв в бутылке. Врубашься, солнце?

– Ишь ты! – восхитился Валентина. – Дешево и сердито!

Они поцеловались, и Макс, выйдя за ворота, быстро зашагал в сторону леса.

Он шел знакомой тропой, улыбаясь своим мыслям.

Как все-таки удивительно устроен мир! Кто-то восторгается от классической музыки, а кто-то – от грязных женских колготок. Кто-то жить не может без живописи, а кому-то для полного счастья (вроде его Вальки) нужно устроить жесткую порку, так, чтобы все тело было покрыто синяками и ссадинами. А он ловит кайф, мучая всяческих тварей и наблюдая за их судорогами в последние секунды жизни. Будь то едва приметный жучок или корова...

На тропинку из зарослей травы выскочил крохотный лягушонок. Не переставая улыбаться, Макс наступил на ничего не подозревающее земноводное, и под подошвой ботинка влажно чавкнуло. Он вспомнил, как однажды сделал «бусы» из лягушат – нанизывал их на леску, через задницы, один за другим. Лягушата смешно дрыгали своими перепончатыми лапками, разевали рты, и это было очень забавное зрелище. Потом он отнес это шевелящееся «ожерелье» на муравейник и просидел рядом с ним целый час. Он сидел, не сводя вождленного взора с муравьиного пиршества, изредка снимая процесс пожирания лягушат на смартфон. Когда он выпрямился, переступив затекшими ногами, от «ожерелья» уже почти ничего не осталось, лишь зеленовато-скользкие ошметки.

Вообще лягушки очень живучи. Макс отыскал и скачал себе ролики из Всемирной паутины, как их бросали в аквариум к пираньям. Земноводных рвали на части, а их изжеванно-разодранные тельца каким-то непостижимым образом все равно дрыгались и шевелились, будто все еще надеясь на спасение. В японских ресторанах крупных лягушек разрезали пополам и с листьями салата подавали на стол, а они, тупо моргая, глазели на собственные лапы, которые еще продолжали конвульсивно вздрагивать...

Наконец парень миновал небольшой овраг, заваленный валежником, поднялся на полянку, прошел несколько метров в чащу и остановился возле неказистой кормушки, болтающейся на ветке. На ней в нелепых позах застыли два птичьих трупика.

– Привет, – засмеялся Макс и, подняв с земли обломок ветки, пошевелил мертвых птиц. Если он не ошибается, судя по всему, в ловушку угодили зяблик и сойка.

Об этой западне он вычитал в Интернете. Заранее прикормленное место обмазывается клеем, и глупые птицы, наевшись, оказываются намертво приклеенными к «обеденному столу». Эту ловушку он поставил в прошлые выходные. Глядя на пустые глазницы птиц, по которым торопливо сновали муравьи, Макс неожиданно испытал возбуждение и облизнул губы.

«Вернусь, вдую Вале», – решил он, надевая хозяйственные перчатки. Наклонившись, Макс принялся копать ямку для бутылки. Земля в лесу была мягкая, и он копал прямо руками, деловито откидывая горсти в сторону. В образовавшееся отверстие установил бутылку, придвинул с боков земли для устойчивого положения, после чего насыпал на дно немного пшена.

– Ну вот, – произнес он с удовлетворением, отряхивая руки. – Конечно, андский кондор сюда вряд ли залетит, но я готов довольствоваться и...

Закончить, кого бы он желал видеть в ловушке, Макс не успел, так как за спиной неожиданно что-то громко хрустнуло. Вздвогнув, молодой человек медленно повернулся.

Никого.

Лишь ветка куста слегка колыхнулась, словно кто-то бросил туда камень. Макс вздохнул, снимая перчатки. Внезапно его взгляд скользнул по старой громадной сосне, высившейся рядом с кустом, и он нахмурился.

- Че за хрень? - пробормотал парень, подходя ближе.

К дереву, сплошь покрытому загустевше-белесыми потеками смолы, был прибит скворечник. Большой, неуклюже-кособокий скворечник, словно его мастерил полуслепой старик. Мастерил торопливо, наспех, промахиваясь молотком мимо шляпок гвоздей, он будто боялся, что умрет раньше времени, не закончив работу.

Макс осторожно коснулся пальцами почерневшей поверхности досок, из которых был сколочен этот несуразный птичий дом.

«Откуда он здесь? - скользнула у него мысль. - В прошлые выходные его не было, даю башку на отсечение».

Макс озабоченно потер подбородок. Собственно, хрен бы с ним, с этим скворечником. Висит себе и висит. Но была одна деталь во всем этом, сродни занозе, и она явно не нравилась парню.

Старый.

Скворечник был старым, причем настолько, что из него уже начала сыпаться труха.

«Он древний, как дерьмо мамонта», - подумал Макс, заглядывая в неряшливо выдолбленный леток. Изнутри несло затхлой сыростью.

Да, это было так. Если бы скворечник прибили на этой неделе, он не выглядел бы так, словно ему уже двадцать лет. Вон, даже гвозди, которыми он приколот к сосне, все рыжие от ржавчины!

Макс достал смартфон и, включив фонарик, осветил внутрь скворечника. Пусто.

– Ну да, – хмыкнул он вслух, убирая гаджет в карман. – А ты что, ожидал увидеть там сокровища турецких королей?

Развернувшись, Макс пружинистой походкой двинулся обратно к дому.

После бурного секса пришло время обеда – шашлык со свежими овощами. Макс откупорил бутылку «Джек Дэниэлс», Валентина предпочел сухое вино. После трапезы любовники вновь испытали взаимное возбуждение. Взявшись за руки, они ушли в дом, и спустя несколько минут из комнаты, где они заперлись, неистово загрохотал Rammstein, но даже сквозь зубодробильные аккорды были слышны пронзительные крики.

Спустя час наружу нетвердой походкой вышел Валентин, и на его субтильно-бледном теле пламенели свежие ссадины.

Около восьми вечера они направились в лес.

– На, – сказал Макс, протягивая Валентине пару хозяйственных перчаток.

– Зачем? Я не собираюсь сворачивать бедным птичкам их головки, – покачал головой тот. – Доверяю эту миссию тебе, мой хозяин.

Макс засмеялся, демонстрируя ровные белые зубы:

– Бери-бери. Мало ли что.

Вскоре они были на месте, и глаза Макса заискрились возбужденными огоньками. Шагнув к бутылке, он вытащил наружу трепыхавшееся тело вороны. Птица каркнула, ошалело крутя по сторонам взъерошенной головой. Она предприняла попытку клюнуть Макса в руку, но тот ловко сжал пальцами клюв пленницы.

– А еще говорят, что вороны умные, – пропыхтел он. – Ни черта они не умные, когда речь заходит о жратве... Попалась, как тупая пробка.

– Что ты хочешь с ней сделать? – любопытно спросил Валентина без особого интереса.

– Как что? Укоротим крылья. Точнее, оторвем их, – хихикнул Макс. – Потом побрызгаем бензином и зажжем веселый факел. Ночью это будет выглядеть просто потрясающе!

Он хотел добавить что-то еще, но замер, устремив взгляд на старую сосну. Валентина с равнодушным видом проследил за взором любовника.

– Там тоже ловушка? – наконец спросил он, видя, что Макс застыл в полной неподвижности.

Парень посмотрел на Валентину так, будто видел его впервые в жизни, затем, словно вынырнув из липкого оцепенения, нервно усмехнулся:

– Нет. И я не знаю, кто приколотил эту рухлядь. Сюда вообще редко кто заходит, рядом болото. Надень перчатки и поддержи.

Он протянул гею вырывающуюся из рук ворону, и тот, с трудом скрывая недовольствие, взял птицу. Ворона встрепенулась, возмущенно каркнув, и в воздухе поплыли иссиня-черные перышки.

Между тем Макс приблизился к скворечнику.

– Ты чего? – озадаченно спросил Валентина, сдувая жужжащего перед носом комара. Было видно, что ему явно надоело тут торчать и гей с превеликим удовольствием вернулся бы обратно в дом.

– Мне показалось или?... – пробормотал Макс, заглядывая внутрь скворечника. – Я услышал какой-то звук. Будто что-то прошуршало...

Помедлив, он сунул руку внутрь. Неровно прорезанное отверстие поглотило ее, словно гротескный капкан.

– Максим, пошли домой, – заканючил Валентина, не без труда удерживая в руках ворону, которая не оставляла настойчивых попыток освободиться.

– Сейчас, – хрипло ответил Макс, судорожно елозя пальцами внутри скворечника. – Сейчас идем.

По гладко выбритому виску молодого человека заскользила горячая струйка пота.

«Ты что, сбрендил? – зашептал внутренний голос. – Там ничего нет!»

– Бред какой-то, – тихо произнес он, вытаскивая руку назад. Ойкнул, когда в запястье что-то впилося. – Твою мать!

– Что там?! – испуганно залепетал Валентина, побледнев. Его пальцы непроизвольно разжались, и ворона мгновенно воспользовалась этим секундным промежутком. Взмахивая крыльями и хрипло каркая, она поднялась вверх и скрылась среди густых ветвей.

Макс резко выдернул руку и, сорвав перчатку, раздраженно уставился на крошечную точку, которая краснела на коже возле большого пальца.

– По ходу, заноза, – хмуро предположил он, надавливая на ранку. Наружу выступила бусинка крови, и Макс вытер ладонь об джинсы. – Или гвоздь.

Он с недовольством посмотрел на гея, который растерянно глядел на кроны деревьев.

– Эх ты, – раздраженно процедил Макс. – Растяпа. Ох и Ах пошли в поход...

Он повернулся к скворечнику, и его крупное лицо исказилось от злобы. Отойдя на пару метров, он, подобравшись, внезапно подскочил словно распрямившаяся пружина, с глухим треском разворотив скворечник ногой. Посыпалась сырая труха, сгнившие доски развалились, как набухший от влаги картон.

– Дорогой, хватит, – попросил Валентина, с тревогой глядя, как его любимый исступленно топчет трухлявые обломки. – Там могут быть гвозди...

Наконец Макс остановился. Тяжело дыша, он смотрел налившимися кровью глазами на грязное крошево под ногами. Носки военных ботинок были усыпаны прелыми опилками и трухой.

– Извини за ворону, – заискивающим голосом проговорил Валентина. – Давай сегодня вечером обойдемся без факелов... Я зажгу свечи и благовонные палочки. Мы...

– Заткнись, – оборвал его Макс. Его плечи опустились, взгляд потух, как если бы с уничтожением старого скворечника иссякли все его силы. Тяжело переступая ногами, он двинулся в сторону дачи. Валентина облегченно вздохнул и торопливо последовал за ним.

Через полтора часа мглистые облака постепенно расползлись, очистив дегтярно-черное небо. Серебристой монетой повисла полная луна, безучастно уставившись на молодых людей своим пронзительно-холодным взглядом.

Они расположились на веранде, осоловело таращась в широкий экран ноутбука. Перед глазами сонных геев мелькали кадры резни гриндов[2 - Род млекопитающих из семейства дельфиновых. Существуют две разновидности – обыкновенная и короткоплавниковая гринды, длина варьируется от 3,5 до 8,5 м.], так называемых черных дельфинов, которых в знак жестокой традиции ежегодно сотнями убивают жители Фарерских островов.

– Куда им столько мяса? – спросил Валентина, засовывая в рот соленый крекер. – Вон, вся вода красная от крови...

– Они их не едят, – пояснил Макс. – Это дань ритуала, ведет свое начало с X века.

Он потянулся к бутылке, наплескав себе почти полный стакан виски. Валентина бросил на любовника неодобрительный взгляд.

– Ты сегодня слишком много пьешь, милый.

– Не твое дело, – огрызнулся Макс, залпом опрокидывая стакан.

Валентина придвинулся к нему ближе, погладив по округлому бицепсу парня.

– Я просто беспокоюсь о твоём здоровье. Спорт и виски в таких количествах несовместимы.

– Ты напоминаешь мне мою маму, – икнув, произнес Макс. Его глаза затуманились блеклой пленкой, взгляд помутнел.

– Я вчера тебе рассказывала о своём брате, – заговорил Валентина. – И мне под утро приснился кошмар. Мне показалось, я даже закричала во сне. Ты не слышал?

Макс помотал головой, продолжая пялиться в экран невидящим взглядом.

– Я... то есть мне снилось, что я одна дома, – сбивчиво продолжил Валентина, облизнув губы. – Время позднее, почти как сейчас. Сажу, пью чай. И вдруг – какая-то возня за дверью, как будто стук, что ли... Удивленная, иду в прихожую. Про себя думаю: может, это ты решил сделать мне сюрприз и навеститься в гости? На всякий случай гляжу в смотровой «глазок»... И едва не кричу от ужаса. На лестничной площадке какое-то жуткое существо, замотанное грязными тряпками. Оно стоит на карачках. По очереди ковыляет к каждой квартире и скребется. И вот оно снова оказывается у моей двери. Я слышу хриплое дыхание твари. Мне кажется, я даже чувствую вонь, которая сочится сквозь тряпки этого мерзкого существа. Оно принюхивается и скребет когтями по двери, и это выглядит так, будто тварь слепая. Понимаешь, Макс? Но я-то знаю, что это не так. Даже через «глазок» я вижу, как блестят злые глаза монстра...

Где-то вдалеке хрипло гавкнул пес, и Валентина съежился, испуганно озираясь по сторонам. У него был такой вид, будто описываемое им существо из ночного кошмара вот-вот выпрыгнет из темноты.

– Эта тварь ушла, – после минутной паузы возобновил он рассказ. – Я проснулась вся мокрая от горячего пота. Ты мирно спал рядом. Я поцеловала твою сильную руку, но меня душили слезы. Макс, там, во сне... это была та самая собака! Та, что загрызла моего брата!

Последняя фраза Валентины буквально вылетела из его глотки, словно шрапнель из жалящих осколков стекла.

- Ты помешался на сраной псине, - откликнулся Макс и снова пьяно икнул.

- Нет... Жаль, что ты ничего не понимаешь, - с мукой в голосе выдавил Валентина. - Каждый раз, когда я просыпаюсь, мне кажется, что это черное чудовище с рваным ухом сидит на моей кровати, смотрит на меня и облизывается. А морда у нее вся блестит от крови Димы! Она старая, Макс. У твари стесаны клыки, но они еще способны рвать плоть. Ты слышишь меня?!

- Слышу.

Макс неуклюже обнял гея.

- Я могу найти для тебя черную дворнягу, - зашептал он в ухо Валентине, обдавая запахом перегара. - Располосую ей ухо и нарисую под глазом белое пятно. Ты представишь, что это та самая собака, и отомстишь за брата как захочешь. Разорвешь крючьями, зальешь кипятка в глотку, вырвешь когти...

Валентина вздохнул, вытягивая худые ноги.

- Спасибо за предложение, но нет. И вообще... Пожалуй, пора спать.

- Сегодня без развлечений? - прищурился Макс. Он протянул руку к выпивке, не сводя плотоядного взора с любовника. Его пальцы задели бутылку, и она перевернулась, заливая стол виски, которое в сумерках напоминало маслянисто-черное озеро.

- Какой я неуклюжий, - прыснул Макс, шлепая ладонью по расползающейся луже. - Ну, так что?

- Нет. Я хочу спать.

Макс поднялся на ноги и шагнул куда-то в темноту.

- Эй, ты куда? - встревоженно спросил Валентина.

Парень появился через секунду, и гей замер. Обнаженный по пояс, с прекрасно сложенным мускулистым телом, которое мягко заливал прохладный свет луны, Макс был словно соткан из ночных грез и далеких созвездий.

«Он похож на бога», – непроизвольно шевельнулась у Валентины мысль, и сладкая истома охватила нижнюю часть живота.

– Любишь боль, любимая? – сипло прошептал Макс. В его руке что-то тускло блеснуло, но гей слишком поздно спохватился, когда сообразил о грядущей опасности. Узкое, остро отточенное лезвие скальпеля скользнуло по его впалой груди, рассекая кожу до самого пупка. Мгновением позже вспыхнула боль, обволакивающе-тягучая, как раскаленная лава, что выползает из жерла вулкана. Края длинной раны разошлись, потекла кровь, от которой в вечерний воздух заструился легкий пар.

Истерично вскрикнув, Валентина отшатнулась, неверяще глядя на жуткий разрез.

– Ты... ты... – задыхаясь от пульсирующей боли и ужаса, пролепетал он. Ладони бестолково скользили по липкому животу в тщетной попытке соединить расплывающиеся края кожи.

– Не ссы, Валя, – буднично проговорил Макс. Развернувшись, он внезапно метнул скальпель в стену. Хирургический нож воткнулся в деревянную обивку, в двух сантиметрах над фотографией его родителей.

– Ты убил меня! – завизжал Валентина, пятясь назад. Кровь стекала по плоскому животу, пропитывая багровым киселем кружевные трусы гея, и тонкими струйками бежала дальше по тощим ногам. – Что ты натворил?!!

– Закрой рот, – жестко приказал Макс. Голос его звучал членораздельно и ровно, без икания и запинаний, словно он и не пил вовсе. – Верещишь как свинья.

Он шагнул к Валентине. Тот был настолько охвачен всепоглощающим ужасом, что казалось, еще чуть-чуть – и он брякнется в обморок. Макс с легкостью подхватил его на руки и, склонившись, неожиданно лизнул окровавленную грудь любовника.

– Не убивай меня, – прохрипел Валентина. Его и без того бледное лицо приобрело грязно-пепельный оттенок. – Прошу тебя...

– Испугался? – с деланным сочувствием поинтересовался Макс, заноса любовника на кухню. – Не ссы.

Он буквально швырнул Валентину на стул и небрежно кинул ему рулон бумажного полотенца.

– За... зачем ты это сделал? – проскулил гей, трясущимися руками размазывая по животу кровь. Он попытался развернуть полотенце, но его пальцы так дрожали, что он выронил рулон. Разматываясь белой лентой, тот покатился к холодильнику. – Я ведь люблю тебя!

Макс уставился на него как на круглого идиота.

– И я тебя люблю, – нежно промурлыкал он, поднимая с пола раскатанное полотенце. Кое-как свернул его обратно, после чего достал из верхнего шкафчика аптечку. – А еще я знаю, что ты обожаешь боль. Разве тебе сейчас не больно? Нет? Так я могу раздвинуть края раны и натереть твою плоть солью с перцем...

Валентина всхлипнул, сгорбив плечи. Все происходящее казалось ему каким-то диким, чудовищным кошмаром, по сравнению с которым сон про пса-людоеда казался безобидной детской сказкой.

– Ты ноешь как жалкая собачонка, – усмехнулся Макс, сметая все со стола. Блюдца, тарелка с заветрившейся ветчиной и сыром, недоеденный пакет с чипсами, сигаретная пачка, две чашки и солонка – все с грохотом полетело на пол. – Я вскрыл только эпидермис, глубина не более двух миллиметров. Дерму я не задел. Если бы я хотел тебя разделать, то взял бы мачете. И сейчас ты валялся быдохлым на веранде, в обнимку с собственными кишками.

– Это бесчеловечно. Я истекаю кровью, – разлепил губы Валентина. Очевидно, доводы агрессивного любовника показались ему неубедительными. – Мне нужно в больницу...

Пока он хныкал, пуская сопли, Макс с невозмутимым видом сполоснул руки, после чего надел резиновые перчатки. Затем он расстелил на кухонном столе марлю, аккуратно разложив на ней тампоны, пузырек с хлоргексидином, хирургические иглы и нити.

– Я заштопаю тебя, – заявил он Валентине, когда все было готово. – Заодно попрактикуюсь. Извини, маски нет. Будешь дышать моим перегаром вместо анестезии.

Гей поднял на него тусклый взгляд.

– Ты сможешь? Ты не оставишь меня умирать?

– Конечно, – подтвердил Макс, обезоруживающе улыбаясь. – Ведь я все-таки будущий хирург. Правда, у тебя останется небольшой шрам. Впрочем, ты и так весь исполосован, одним больше, одним меньше...

Тонкие губы Валентины изогнулись в слабой улыбке.

– Я люблю тебя... Но прошу... Не делай так больше. Пожалуйста.

– Конечно, – ухмыльнулся Макс. – Давай, укладывайся, детка.

* * *

Перед рассветом Макс проснулся от кошмара.

Ему снилось, как за дверью что-то скрипит. Будто... кто-то скребется, пытается проникнуть внутрь к ним в спальню.

«Тварь, замотанная в тряпки, – думает он, со страхом вспоминая рассказ Валентины о своем недавнем сне. – Тварь на четвереньках под дверью...»

Он хочет встать, но все, на что он способен, – это лишь немного приподняться на кровати и, кусая губы, с нарастающей паникой смотреть, как медленно, миллиметр за миллиметром, открывается дверь.

«Нет, – хочет сказать Макс, но слова проваливаются в вязкую пустоту, не дойдя до глотки. – Нет, нет!»

Дверь со скрипом отворяется, и в спальню, неуклюже переваливаясь, вползает оживший старый скворечник. Тот самый, который Макс самолично разворотил еще накануне вечером. Разломы и трещины скреплены ржавыми скобами, неряшливо и грубо, и Макс почему-то думает о Франкенштейне, сшитом из частей тела.

Кто-то починил этот страшный скворечник, шевелится у него мысль, и от этого понимания его бросает в ледяной пот.

«Тебя нет», – вырывается из его рта едва слышный писк.

Но скворечник был. И он был живым.

Из неровного отверстия летка выпучивается студенистый глаз, сочащийся густой слизью. Радужная оболочка цвета венозной крови, расширенный зрачок медленно вращается, будто стараясь охватить своим безумным взором все пространство спальни. Из почернелых стенок птичьего дома проклевываются липкие щупальца с розовато-губчатыми присосками. Извиваясь с влажным хлюпаньем, они слепыми змеями ползут к кровати, на которой спит Валентина и сидит он, Максим Назаров, студент пятого курса Первого Московского государственного университета, будущий хирург... а еще садист и живодер.

Макс проснулся, как только щупальце коснулось его руки.

Лоскуты ночного кошмара давно растаяли, а он все сидел и с ожесточением тер запястье.

– Дерьмо, – сипло произнес он, слезая с постели. Бросил взгляд на Валентину. Гей спал как ребенок, поджав ноги к перебинтованному животу. Из уголка рта капала слюна, образовав на простыне темное пятно.

Макс бесцельно побродил по дому, изредка поглядывая на ладонь. Вызывала беспокойство царапина, которую он получил еще прошлым вечером, вынимая руку из скворечника. Он нахмурился, заметив, что кожа вокруг ссадины

покраснела.

Макс лизнул ранку, посмотрел в окно. Рассвет только начинался.

«Пойти, проверить силки? – внезапно подумал он. – Все равно уже не усну».

Он быстро оделся и вышел наружу, прикрыв дверь. Глубоко вдохнул утреннюю свежесть, зачарованно глядя, как розовеет небо над верхушками громадных сосен.

– Нет, Макс, – тихо сказал он вслух. – Тебя мало интересуют силки. Ты ведь хочешь убедиться, что долбаный скворечник сломан, верно?

«Верно, – эхом отозвался внутренний голос. – Ты боишься, что его там не окажется, и он... где-то у тебя дома, да? Притаился под кроватью... Или в шкафу... или на чердаке...»

С губ Макса сорвался истеричный смешок, и он чуть ли не бегом направился по знакомой тропинке.

Ветки жгуче хлестали по разгоряченному лицу, будто намериваясь выцарапать глаза, под ноги то и дело попадались рытвины и кряжистые корни, которых, казалось, никогда раньше тут не было.

Но была еще одна вещь, показавшаяся Максиму странной.

Птицы.

Солнце уже взошло, и он знал, что птицы всегда встречают рассвет звонким щебетом.

Сейчас же все было иначе: в лесу царило глухое безмолвие, словно в дотла выжженной пустыне.

Наконец ноги вывели парня к знакомой сосне, и он замер на месте, оцепенело пялясь на почернелый скворечник.

Он был на том же самом месте, словно Макс не растоптал его вчера в присутствии Валентины. Молодой человек яростно потер глаза, моргнул несколько раз, как если бы пытался избавиться от соринки, затем вновь уставился на птичий дом. Мысли кружились вихрем и путались, сталкиваясь и цепляясь друг за друга, словно кипящее варево в котле ведьмы.

– Этого не может быть, – покачал он головой, ошеломленно глядя на скворечник. Тут же стрельнуло хлесткой болью запястье, и он перевел взгляд на царапину. Она увеличилась, чуть припухнув, и Макс выматерился сквозь зубы.

«Я сожгу дерево, – ожесточенно подумал он, хлопая себя по карманам в поисках зажигалки. – Я...»

Макс вздрогнул, услышав, как из скворечника донеслось хриплое хихиканье. Он обхватил голову руками, стиснув виски, изо всех сил пытаясь привести мысли в порядок.

«Это сон. Продолжение сна».

Внутри птичьего дома послышалась возня, будто кто-то неуклюже пытался пробраться к летку и вылезти наружу.

Макс снова посмотрел на руку, чувствуя, как его захлестывает неконтролируемое бешенство. Черное, слепое, исступленное бешенство, когда хочется рвать в клочья и уничтожать все, что шевелится. В два прыжка оказавшись у скворечника, он погрузил внутрь руку.

– Я вытащу тебя и сожру живьем, – прохрипел Макс. Пальцы наткнулись на что-то твердое, костистое, и в сознании мгновенно вспыхнул образ жесткой шкуры какой-то рептилии, вроде ящерицы или крокодила. На ощупь «оно» было холодным и сухим. Через секунду пальцы парня неожиданно сдавило, словно тисками, и Макс взвыл от раздирающей боли. Он рванул руку обратно, но конечность словно намертво приклеили внутри жуткого скворечника. Лицо парня побагровело от боли и напряжения, он хрипел, судорожно дергая рукой, но все попытки освободиться были бесполезны. Более того, в какой-то ужасный момент до Макса стало доходить, что его рука мало-помалу начинает втягиваться внутрь кошмарного капкана. Еще немного, и она скрылась уже по локоть. Внутри слышалось жадное чавканье и хруст перемалываемых костей.

Скворечник пожирал его.

Однако вместо крови из трещин и разломов потекла клейкая масса, напоминая белесый кисель. Сползая по доскам, густая жидкость тягуче капала дымящимися каплями, оставляя на траве черные выжженные пятна.

«Он переваривает меня».

Эта мысль всплыла в затуманенном мозгу, словно пузырек воздуха в стакане с газировкой.

Руку втянуло в скворечник почти по плечо, и вскоре теряющий сознание Макс почувствовал, как его ноги отделяются от земли.

На черных от времени и непогоды досках птичьего дома стали выпячиваться округлости, постепенно приобретая формы голов животных и птиц. Они лениво пульсировали, надуваясь и сдуваясь, как пузыри в кипящем молоке, но Макс, находящийся в полубморочном состоянии, все же смог угадать своих жертв в некоторых из них...

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Без страха смерти (лат.).

Род млекопитающих из семейства дельфиновых. Существуют две разновидности – обыкновенная и короткоплавниковая гринды, длина варьируется от 3,5 до 8,5 м.

Купить: <https://tellnovel.com/aleksandr-vargo/nelyud>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)